

Из каких источников извлечены осет. *inž* «леопард» или *syrd* в значении «змея» (стр. 217)?

Можно было бы указать еще на ряд погрешностей. Есть досадные опечатки, например, на стр. 19 осет. *сарун* «жить» вместо *сарун*; на стр. 22 осет. *хвӕнун* «есть» вместо *хвӕрун*.

Разумеется, в любой работе могут быть ошибки и опечатки. Но на этот раз количество их превысило допустимую «норму» и ложится тенью на все исследование. Создается впечатление, что книга делалась в большой спешке и для тщательной проверки привлекаемого материала у автора не хватило времени.

Необходимо особо отметить семантическое неправдоподобие многих приводимых сопоставлений. В одно гнездо попадают, например, такие значения: «встречать» и «отросток» (стр. 183); «вор» и «рана» (стр. 189); «украшение», «получать» и «начало» (там же); «желать» и «уходить»

(стр. 190); «грабить» и «холостой» (стр. 191); «начинаться» и «сметливый» (стр. 192); «волос» и «лапа» (стр. 197); «навоз» и «гладкий» (стр. 201); «брызгать» и «сыр» (стр. 212); «наслаждаться» и «челюсть» (там же); «ездить верхом» и «угощать» (стр. 217); «круглый», «прямь» и «петь» (стр. 218); «вешать» и «закон» (стр. 219); «стремиться» и «селезенка» (там же). Верно, что в семантической области нередки неожиданные сдвиги. Но если этот тезис возвести в принцип, не утруждая себя обоснованием каждого отдельного семантического сопоставления, то возникает смертельная опасность для самого существования этимологии как науки, так как полностью размывается граница между этимологическим исследованием и произвольными манипуляциями. Недостатком рецензируемой книги является отсутствие указателей, которые именно в такой работе настоятельно нужны.

В. И. Абаев, Р. Х. Доджудоев

C. Newkowsky. Slowenische Akzentstudien. Akustische und linguistische Untersuchungen am Material slowenischer Mundarten aus Kärnten. — Wien Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, 1973. 273 стр.

T. Magner, L. Matejka. Word accent in modern Serbo-Croatian. — The Pennsylvania State University Press, 1974. 240 стр.

Обе рецензируемые книги посвящены одной основной задаче — проверить современными методами сущность тонального ударения в исследуемых языках, сербском и словенском. Эту задачу можно решать по-разному, а именно: можно выдвигать на первый план либо данные экспериментально-фонетические, либо данные восприятия, перцептивные. При этом, наряду с решением конкретных вопросов, возможна и фундаментальная постановка проблемы в целом, при которой исследователь решает, существуют ли в настоящее время функционально значимые противопоставления типов словесного ударения или это факт традиционной, уже устаревшей теории. В таких случаях существенно заранее принять решение о том, какие количественные данные, как перцептивные, так и акустические, показательны для решения вопроса о наличии или отсутствии в данном языке или говоре системных просодических оппозиций внутри слова. Принимая исходный тезис о существовании системы словесных акцентов в описываемом языковом материале, можно стараться дать полное, «фонетическое», описание всех способов реализации акцентных противопоставлений, а также описание иерархизованное, при котором один признак акцентного противопоставления объявляется ведущим, а другие считаются релевантными, избыточными, интегративными.

К последнему типу исследований относится экспериментальная работа Г. Невкловского, изучавшего виды реализации словесных акцентов в трех словенских диалектных группах. Материалом исследования служили записи жителей трех основных диалектных зон Каринтии: Юнталья, Розенталья (оба на юге Австрии на границе со Словенией) и Гайтальта (на юго-западе Австрии, на границе с Италией и Словенией). Информантам предлагались фразы на немецком языке с просьбой перевести их на словенский. Из изложения методики осталось неясным, каков был образовательный уровень и возраст информантов; известно только, что они носители двуязычия, но считают словенский язык своим родным языком, хотя знают его в различной степени (стр. 75). Внутри каждой диалектной зоны выбиралось место основного изучения и места повторных контрольных испытаний. Для получения электроакустических данных использовался сонограф; всего анализировалось 1600 сонограмм. Сегментный материал представляли речевые отрезки, произносимые при двух типах мелодики: законченного высказывания и мелодики незавершенности, прогрессивной. Именно прогрессивный тип был выбран в качестве типа восходящей мелодики потому, что в вопросительном предложении без вопросительного слова в словенском языке требуется вставка вопросительной частицы, что нарушает тож-

дество сегментного состава. Противопоставляемые по акценту слова располагались в разных частях отрезка: в начале, в средней части и в последнем завершающем такте, т. е. во фразово-ударной позиции. Отдельно рассматривались предложения, состоящие из одного слова. Словесный материал составляли двусложные и односложные слова.

Тип реализации словесных акцентов в словенском литературном языке в последние годы изучен экспериментально-фонетически довольно подробно, главным образом в фундаментальных исследованиях Й. Топоршича¹. Г. Невекловский ссылается на эти работы, равно как и на специальные статьи о словенских диалектах. Однако на этом фоне удивляет отсутствие в тексте книги и в библиографии ссылки на большое исследование Б. Водушека о типах реализации музыкального ударения в словенских говорах (хотя основное внимание Б. Водушека направлено на центральные говоры самой Словении, им также детально анализируется гайльштадтский говор — в произношении лингвиста И. Графенауэра)².

В начале книги излагаются основные положения славянской акцентологии, в частности — эволюция взглядов на словенское словесное ударение. Непосредственный анализ типов словесных акцентов в каждом говоре предваряется в книге краткими сведениями о системах вокализма и о функциональной нагрузке акцентных оппозиций, которая в основном играет морфологическую роль: например, *miza* «стол» — *miza* «столы».

Диалекты описываются автором по определенной схеме, внутри которой выделяются следующие основные признаки: 1) единица тональности в данном говоре (слог или мора); 2) тип качественного решения гласных; 3) тип количественного решения гласных; 4) мелодические данные (частота основного тона) в законченных высказываниях; 5) мелодические данные в незаконченных отрезках; 6) данные интенсивности.

Каждый из этих признаков раскрывается через систему более дробных вопросов. Например, описание мелодического рисунка в законченных высказываниях строится из ответов на следующие вопросы: а) каков мелодический контур и движение тона у долгих ударных гласных? б) каково соотношение высот ударных и постударных слогов при разных типах акцентов? в) как

противопоставлены ударные слоги под акцентом и циркумфлексом по высоте тона? г) каков тип реализации этих противопоставлений в разных фразовых позициях слова: а) у двусложных слов, б) у односложных слов, д) каков тип реализации тональных противопоставлений у кратких ударных³, е) каковы интонационные противопоставления во фразах, состоящих из одного слова?

Сходные вопросы решаются и при анализе данных интенсивности.

К сожалению, нужно отметить, что этот подробный набор характеристик не всегда выдерживается полностью: так, материал по незаконченным отрезкам не дает ответа на все эти пункты; перечень полученных фактов при контрольных испытаниях еще менее полон.

Перечислим основные результаты, полученные автором по данным всех трех диалектов (в книге каждый диалект описывается отдельно).

1. Ни для яунтальского, ни для гайльштадтского диалекта нельзя говорить о счете на моры, так как измерения частоты основного тона в первой и второй половинах ударного слога в разных тактах фразы (начальном и конечном) не показали каких-либо различий акута и циркумфлекса: в начальном такте у гласных обоих видов наблюдалось повышение тона во второй части звука, в конечном такте — понижение⁴.

Розентальский диалект оказывается в этом отношении сложнее, поскольку в нем представлено различающее тип акцента движение тона в слове и разное положение тона в постударных слогах. Таким образом, по мнению Г. Невекловского, вопрос о счете по морам или о счете по слогам в этом диалекте — это проблема описания; если считать существенным положение ударного и постударного слогов, тогда понятие моры не имеет смысла; если же считать существенным движение тона, тогда «поморная» интерпретация может быть принята. Думается, что понятие моры может быть расширено и соотноситься с не-

³ В отличие от литературного словенского языка словенские диалекты могут различать тональные противопоставления и на кратких слогах.

⁴ Согласно данным ряда славянских языков, фразовая мелодика начала отрезка характеризуется подъемом мелодики в зоне первого ударного слога, в конечном такте законченного высказывания она понижается. Таким образом, приводимые данные показывают нейтрализацию словесных акцентов этих диалектов под воздействием фразовой мелодики. По нашим наблюдениям, степень воздействия фразовой мелодики на словесную есть фактор типологический; таким образом, в каждом языке мы можем говорить о сильной или слабой фразовой просодии. Словенский язык принадлежит к языкам с сильной фразовой просодией.

¹ J. Toporišič, Slovenska stavčna intonacija, Ljubljana, 1969; его же, Pojmovanje tonemičnosti slovenskega jezika, «Slavistična revija», 1, XV, 1967; его же, Liki slovenskih tonemov, «Slavistična revija», 1, XVI, 1968.

² B. Vodusek, Grundsätzliche Betrachtungen über den melodischen Verlauf der Wortakzente in den zentralen slowenischen Mundarten, «Linguistica», IV, 1961.

которой мелодической фигурой, характеризующей ударение слова. В рамках этой фигуры реализуются двукомпонентные рисунки, различающие акут и циркумфлекс; эта контурная заданность может по-разному соотноситься с временной заданностью слогов, продолжительность которых определяется не только временной структурой синтагмы, но и абсолютной длительностью звуков, входящих в данное слово, почему вся фигура может и не раскладываться на число слогов «без остатка». Поэтому, очевидно, Г. Невекловскому не удалось решить вопроса о счете по морам без привлечения данных всей мелодической линии слова (Wortprofil). Таким образом, эта характеристика оказалась не автономной, а зависимой.

2. Подсчеты количественной протяженности долгих ударных дали следующие результаты: в юнтальских диалектах акут всегда длительнее циркумфлекса, в розентальских и гайльтальских диалектах системных различий акута и циркумфлекса нет.

3. Движение тона изучалось на материале ударных слогов в последнем и начальном тактах высказывания. Понятие контура: выпуклый, вогнутый, плоский — оказывается, по данным автора, несущественным. Существенным признаком оказывается направление тона (восходящий, ровный, нисходящий), которое в розентальских и гайльтальских диалектах служит конституирующей чертой интонационного различия акцентов: акут имеет понижающийся тон, циркумфлекс — повышающийся. В юнтальских диалектах, по утверждению автора, свойство это не является релевантной чертой, однако внимательный анализ цифровых и процентных данных (стр. 96) говорит о том, что и здесь акут больше, чем циркумфлекс, демонстрирует тенденцию к тональному подъему. Интересным является тот факт, что, судя по приводимым данным, именно в юнтальском диалекте отмечено 15 случаев тонального подъема у акута в абсолютном конце, тогда как в остальных диалектах в конечном такте представлено абсолютное понижение. Это значит, что в юнтальском диалекте словесная просодия оказывается сильнее фразовой.

4. Как показали наблюдения над сербскими словесными акцентами, различное соотношение высот ударного и постударного слогов при восходящих и нисходящих видах ударения является стойкой различительной чертой⁵. В литературном словенском языке эти высотные соотношения не столь определены. Анализ диалектных показателей Г. Невекловский проводил несколько по-разному в трех описанных

зонах. В юнтальском диалекте высоты ударного и постударного слогов определялись на цепочках двух типов: а) оба слога принадлежат одному слову и б) оба слога принадлежат разным словам, например *selák je*. Оказалось, что внутри типа (а) акут и циркумфлекс различаются более последовательно, т. е. получается, что мелодическая фигура есть признак не ударения, но слова, и тональные сандхи здесь не имеют места. Для розентальского диалекта приводятся усредненные, общие данные, согласно которым правило посттонального различения соблюдается. В гайльтальском диалекте, где, судя по приводимым данным, отмечается та же закономерность, она признается сопутствующей, но не ведущей чертой.

5. Принято считать установленным, что в литературном словенском языке именно высотное положение ударных слогов различает акценты: акут низок, циркумфлекс высок⁶. Эта оппозиция для юнтальского и гайльтальского говоров соблюдается во всех фразовых позициях, для розентальского диалекта данные приводятся несколько иначе, заменяясь сведениями о движении тона в целых словах с противопоставляемыми акцентами. Именно это движение тона в слове Г. Невекловский считает ведущим признаком акцентного различия в розентальском диалекте⁷.

6. Для всякого исследователя, занимающегося проблемами соотношения фразовой и словесной мелодии, интересен анализ тех случаев, когда вся фраза состоит из одного слова. Такие случаи позволяют понять, как в данном языке слово, находясь в максимальной по силе фразового давления ситуации, сохраняет необходимые словесные противопоставления, выразив в то же время все функциональные нагрузки. Из приводимых в книге цифр и рисунков видно,

⁶ J. T o r o g i š i ć, *Liki slovenskih tonemov*, стр. 319.

⁷ Откровенное стремление автора найти «основной», единственный признак, отбросив мешающие избыточные эмпирические факты, несколько упрощает картину. Точно так же, если обратиться к сопоставлению сербского и словенского языков, то, судя по соответствующим экспериментальным данным, может создаться впечатление, что тип реализации долгих акцентов в этих языках различен: в сербском языке важен постударный слог, в словенском важно положение ударного слога. Однако, судя по данным, в частности П. Ивича и И. Лехисте, как цифровым, так и графическим, и в сербском языке положение ударных слогов различается по тому же правилу. Поэтому, если оперировать конкретными данными, а не конструктами, точнее говорить о большей или меньшей значимости типа реализации акцентов в этих языках (I. L e h i s t e, P. I v i ć, *Accent in Sebocroatian*, «Michigan Slavic materials», 4, 1963, стр. 19, 40—55).

⁵ Это наблюдение впервые было сделано Л. Мазингом (см.: L. M a z i n g, *Die Hauptformen des serbisch-chorvatischen Accents*, «Mémoires de l'Académie impériale», VII série, XXI, 5, Spb., 1876).

что в таких случаях в яунтальском диалекте словоразличающим оказывается рисунок ударного слога, в розентальском противопоставляются ударный и постударный слоги — вплоть до линии резкого подъема при акуте, нарушающей фразовую понижающуюся мелодику. В гайтальском диалекте существенно и положение противопоставляемых ударных слогов, и движение тона в ударном и постударном слогах. Эти интересные данные демонстрируют различие алловариантных возможностей реализации одной и той же оппозиции. Однако слабостью применяемой методики в данном случае является то, что Г. Невекловский рассматривает однословные фразы только при интонации законченности. Между тем, судя по нашим экспериментальным данным, именно восходящая мелодика, особенно при вопросе, отличает словенский язык от сербского, так как в этом случае в словенском языке акцентные различия нейтрализуются, а в сербском сохраняются.

7. Данные интенсивности оказались по всем диалектам несущественными для различения акцентов. В литературном же языке в произношении люблянских дикторов интенсивность акута последовательно оказывалась больше интенсивности ударного слога под циркумфлексом.

8. В заключительной части книги приводятся интересные данные о способах реализации словесной и фразовой просодии в описанных говорах. В слогосчитающих говорах (Яунталь, Гайталь) словеснопросодические различия разрешаются по вертикали: акут располагается низко, циркумфлекс — высоко; фразовые противопоставления разрешаются по горизонтали: существенна общая линия — повышения или понижения. В моросчитающем диалекте (Розенталь) словеснопросодические различия реализуются в общей линии слова — Wortprofil, т. е. по горизонтали, фразовые же различия оформляются по вертикальной оси; иначе говоря, рисунок нисходящей и восходящей мелодики может совпадать, но их высотное положение различно.

Рецензируемая книга велика по объему, и обсуждая все приводимые в ней данные не представляется возможным. Поэтому мы не касались таких проблем, как различение кратких ударных слогов или специфика выражения акцента в односложных словах.

Можно сожалеть о том, что в книге неточно и нерегулярно соблюдается единый методический план при описании всех групп диалектов. Несомненно, что конкретные цифровые и процентные данные часто противоречат явно выраженному стремлению исследователя представить систему розентальских диалектов как полностью отличную от двух остальных. Неясно также, почему вначале столь категорично декларируется идея «правды» о словенских акцентах, хотя приводимые результаты в

целом вполне укладываются в рамки уже предлагавшихся теорий.

Хочется отметить как некоторую незаконченность исследования отсутствие данных восприятия. Между тем это может помочь выявлению данных о том, в какой степени в описываемых диалектах акцентные различия живы и активно воспринимаются. Как покажет анализ второй книги, шкала такого рода междиалектных расхождений очень велика. Кроме того, неудачна полная разнородность информантов — в данном случае важен не только возраст или образование, но также и то на каком языке информант говорит чаще: на немецком или на словенском.

Дискуссионно речена в книге проблема соотношения объективных эмпирических данных и конструируемой модели явления. С одной стороны, Г. Невекловский показывает весь комплекс отмеченных фактов, с другой стороны, он ищет одну какую-то ведущую черту, один релевантный для данного говора различительный признак. Однако возможен и путь более абстрактного моделирования, когда разные акцентные решения представляются вариантами некоторого инварианта, реализующегося в n -мерном пространстве признаков, причем каждый реальный акцентный тип может использовать как максимум, так и минимум всех потенциальных различающих возможностей. Именно так представляет раннее состояние словенской акцентной реализации Б. Водушек. Он считает, что древнее решение использовало все возможности, это: «низкий, нисходяще-восходящий акут, противопоставленный в рамках ударного слога высокому, восходяще-нисходящему циркумфлексу». Максимально близким, по Б. Водушке, к этому состоянию оказывается гайтальский диалект. При таком обобщенном подходе неизбежно вычисление какого-то одного сквозного признака, реализующегося при всех комбинациях — возможны алловарианты, находящиеся в отношении дополнительной дистрибуции и не пересекающиеся по характеристикам.

Противопоставлению существующей акцентологической теории и реальности сегодняшних фактов языкового существования посвящена вторая книга, авторы которой также обратились к фактам славянской словесной просодии, на этот раз — на материале сербского языка. В последние десять лет данные сербского словесного ударения изучались подробно, использовались самые различные инструментальные возможности⁸. Однако все исследова-

⁸ В. Водушек, указ. соч., стр. 38.

⁹ См. об этом в работах, вышедших в последнее время на русском языке: Р. В. Булатова, Новые исследования по сербохорватской акцентологии, «Советское славяноведение», 1971, 6; В. Г. Скляренко, [реп. на кн.:] I. Lehiste, P. Ivić, Accent in Serbocroatian, «Исследования по

тели, занимавшиеся этой проблемой, исходили — в качестве исходной презумпции — из существования четырех словесных акцентов и фиксировали разные аспекты их акустического воплощения, не ставя под сомнение их реальность.

Л. Матейка и Т. Магнер задались целью проверить реальность четырехакцентной системы, известной как система Вука Караджича, с позиций данных второй половины XX в. Из двух возможных подходов к проблеме: 1) выяснить, действительно ли в современном сербском языке есть четырехакцентная парадигма, т. е. различаются ли эти акценты или нет, 2) выяснить, так ли они оформляются интонационно, как это принято считать, — авторы выбирают первый.

Л. Матейка и Т. Магнер решают задачу, не обращаясь к данным инструментального анализа, а пользуются результатами восприятия. В многогранной и объективной методике проведенного исследования — одно из достоинств рецензируемой книги. В первых трех главах книги рассматриваются «Акцентные нормы Вука», «Фонологическая интерпретация системы Вука», «История сербохорватского словесного ударения»; собственно экспериментальная часть занимает последние пять глав. В четвертой главе авторы приводят точки зрения современных лингвистов на состояние акцентной системы в литературном языке. В первую очередь их интересуют те наблюдения, которые свидетельствуют о деструкции системы. Это: 1) совпадение двух кратких акцентов (Б. Мидлетиц)¹⁰; 2) слишком большое число дублетных форм (данные Правописа 1960 г.); 3) утрата постударных долгот (Й. Хамм, П. Ивич); 4) появление нисходящих акцентов в середине слова (по норме они должны быть на первом слоге) и даже на последнем слоге, где, в согласии с нормой, вообще не может быть ударения (М. Стеванович); 5) утрата у горожан корреляции между собственным произношением и акцентной нормой, предписанной канонами (П. Ивич).

Техника проведенного эксперимента подробно описывается в главе пятой. Было отобрано 100 предложений, составленных таким образом, что каждая контролируемая оппозиция (типа *пàра* «парход» и *пàра* «монета») воплощается как минимум в двух в остальном тождественных предло-

сербохорватскому языку», М., 1972; Т. М. Николаева, Некоторые наблюдения над соотношением словесных акцентов и фразовой мелодики в сербском языке, «Структурно-типологические исследования в области грамматики славянских языков», М., 1973.

¹⁰ В скобках мы приводим лишь те имена, на которые есть ссылка в тексте книги; разумеется, сходные соображения высказывались и другими учеными: в книге сознательно приводятся наиболее яркие и категорические мнения.

жениях, например, *И данас пàра игра улогу* — предл. № 50 и *И данас пàра игра улогу* — предл. № 95. В некоторых случаях для получения более объективных данных ситуация усложняется до 3 или 4 предложений. Например, проверка восприятия постударной долготы на минимальной паре *учитеља* «учителя» и *учитеља* «учителей» осуществляется на базе четырех предложений (т. е. двух повторений): № 1. *Ту нема учитеља данас*, № 28. *Ту нема учитеља данас*, № 57. *Ту нема учитеља данас*, № 85. *Ту нема учитеља данас*.

Порядок следования этих ста предложений имитировал произвольность. Все фразы были прочитаны лингвистом Д. Алеричем, уроженцем Герцеговины. Сразу же после прочтения ему было предложено прослушать свои предложения и выполнить тестовую проверку. Задание повторили через неделю. В обоих случаях ответ был безошибочным. Основное же испытание состояло в том, что слушателям предлагался список из ста заготовок с возможными выборами акцентных решений для проверяемого слова. Так, например, для предложения *Ево Луке у даљини* (опозиция *Лука* «Лука» и *лука* «порт») была составлена тестовая заготовка под тем же номером: № 11 а) *Луке* (Лука), б) *Луке* («порт»). Испытуемый должен был указать, какому из двух форм он слышит в данной фразе. Порядок тестовых заготовок соответствовал порядку чтения предложений. При выполнении теста нужно было указать возраст, имя, место рождения и место обучения: школа, гимназия, университет. Полученные данные составляли результаты теста № 1. Для теста № 2 Д. Алеричем и Д. Брововичем (лингвист, уроженец Боснии) были прочитаны 50 предложений. Оба лингвиста безошибочно выполнили тестовую проверку по собственному чтению и по чтению коллеги. Оба испытания проводились в 1966 г. в больших городах Сербии, Хорватии, Боснии, Герцеговины, Черногории. Особо исследовалось место рождения Караджича — Тршач. Всего было 829 испытуемых, в основном — учащихся.

Л. Матейка и Т. Магнер ставили своей задачей проверить не только восприятие литературной нормы, но и восприятие акцентных различий в местном произношении. С этой целью был проведен тест № 3, задачей которого было сопоставить чтение одного из местных информантов с чтением Алерича и Брововича.

Обсуждение результатов начинается с выделения шести групп территорий, различающихся процентным показателем того, какая часть испытуемых опознала формы правильно: А—90—100%, В—80—89%, С—70—79%, D—60—69%, E—50—59%, F—49—0%. В соответствии с этим выделено шесть перцентивных ареалов, например: А — Гацко, Столац; В — Травник, Дубровник, Бања Лука, Мостар и др. При этом показательно, что в F объединены крупные города и столицы (Загреб, Белград).

Слабым местом словеснопросодической модели оказалась поставленная долгота, особенно в Белграде и Загребе. Различные долгих и кратких ударных слогов (*nās — nās*) осуществлялось последовательно — средняя опознаваемость была примерно 84% (ниже всего в Нише — 30%, на первом месте — Дубровник — 97%). Гораздо более зыбким было опознание тональных различий; например, в Столаце, Титограде было опознано 0%. Таким образом, по мнению авторов, при комбинации тона и количества дифференциальным признаком является количество.

Проверка на восприятие ударения при изменении его места в слове (*зеленѣх — род мн. опред. — зеленѣх — род мн. неопред.*) дала хорошие перцептивные показатели. Отдельно рассматривался перенос на проклитику (*од кости — од кдсти*), который воспринимался гораздо хуже. В связи с этим авторы считают правило переноса на проклитику абсолютно устаревшим и именно здесь видят основное отступление от нормы столетней давности, предписывающей фонетические контрасты, которые «не только нетипичны для сегодняшнего узуса, но могут казаться странными и даже смешными». Кроме этих случаев, перенос ударения надежно распознается.

Итак, определяется следующая перцептивная иерархия параметров: место акцента, количество ударных, поставленное количество, тон. Л. Матейка и Т. Магнер подробно описывают зональные перцептивные различия.

Тест № 3 фиксировал чтение местных жителей. Д. Алерича и Д. Брозовича просили расставить акценты при прослушивании местных записей. Наиболее интересным результатом анализа ими чтения местных дикторов оказалась обнаруженная тенденция к замене тональных различий простым различием места ударения (в тех случаях, когда ударение падает на разные слоги слова). Таким образом, *приятелья* и *приятелья* предстают как *приятелья* и *приятелья*. Так намечается путь к тому, чтобы в данной системе было представлено подвижное ударение, при котором ряд просодических различий окажется избыточным.

Расстановка акцентных знаков Брозовичем и Алеричем показала еще один важный для системных характеристик факт: существует различие между расстановкой вуковской нотации опытными лингвистами и быстрым определением грамматической формы при прослушивании фраз менее подготовленными информантами. Это значит, что акцентные различия в ряде перцептивных зон переходят из фактов системы в область нормы, теряя при этом функциональную нагрузку.

Для исследователя, знакомого с экспериментальными данными последних лет о сербском ударении, неожиданной является та категоричность, с которой авторы отказывают тону в различении словесных

опозиций. Нам также приходилось исследовать словеснопросодические характеристики сербского ударения¹¹, причем не в изолированных словах, а внутри фразы, т. е. в ситуации, когда словесная просодия подвергается воздействию со стороны фразовой. Дикторами были жители Белграда — города, который, по данным Л. Матейки и Т. Магнера, попадает в худшую перцептивную группу. Самым последовательным признаком различия оказался тональный, в особенности при сопоставлении двух долгих акцентов: регулярный подъем на втором слоге после восходящего акцента и понижение тона после нисходящего. Эти различия реализовались даже в позиции фразового ударения как в конклюдивной каденции, так и в полукаденции и антикаденции.

Как же совместить такого рода экспериментальные данные с результатами Магнера и Матейки? Можно представить, что в ряде обследованных ареальных зон акцентные различия уже утрачены, но, судя по приводимым фактам, информанты не могли различить фраз, произносимых квалифицированными фонетистами, носителями безупречной литературной нормы, которые сами безошибочно отождествляли акценты в своем произношении и в произношении коллеги. Авторы книги с большим скепсисом, если не сказать с подозрением, отзываются о ранних акцентологических исследованиях, особенно той поры, когда экспериментальная фонетика была на низком уровне или вообще не существовала (стр. 185). Однако наблюдения Л. Мазинга 1876 г. подтверждаются до сих пор.

Сопоставляя все данные о современном состоянии сербской акцентной системы (включая и результаты авторов рецензируемой книги), мы можем предложить лишь следующий компромиссный вывод: акцентные различия в современном сербском языке существуют, в ряде зон они регулярно воспроизводятся, но в тех случаях, когда речь идет об осознанном грамматическом различении, а не об акцентной орфоэпии, они не воспринимаются. Авторам можно было бы посоветовать провести еще один тест, чисто фонетический — на различение акцентов, заранее описанных информантам и воспроизведенных. Поэтому, признавая существование акцентной нормы хотя бы в орфоэпическом плане, вероятно, нельзя согласиться с утверждением авторов о том, что «современная Югославия —... арена, где с драматизмом демонстрируется то, как внутренние силы языка в целом оказываются сильнее, чем поже-

¹¹ Т. М. Николаева, указ. соч.; е е же, Соотношение словесной и фразовой мелодики в сербском языке, «Памяти Виктора Владимировича Виноградова», М., 1971; е е же, Соотношение фразовой и словесной просодии. Некоторые аспекты проблемы, «Зборник за филологију и лингвистику», XIV, 1974.

лания немногих грамматистов-консерваторов, которым хотелось бы предопределить судьбу языка» (стр. 191).

Двумя ведущими признаками различия Л. Матейка и Т. Магнер считают место акцента и длительность ударных. Интересно выделение первого из них. Выдвижение на первый план места акцента в слове приводит, по мнению авторов, к появлению недифференцированного обобщенного ударения и исчезновению функционально нагруженной постударной долготы. Из этого мы можем сделать вывод, что новый сербский материал входит в сферу действия закона о несовместимости свободного ударения и фонологической долготы, выдвинутого Р. О. Якобсоном¹². В нормативном сербском произношении место акцента несвободно (хотя и не фиксировано). В соответствии с этим неударная долгота имеет функциональную нагрузку.

Как же объяснить закон несовместимости с точки зрения современных экспериментальных данных? В ряде специальных исследований последних лет на материале славянских языков показано, что интенсивность, динамическая линия слова и фразы имеет свою специфическую фигуру — будучи усиленной в начале речевого отрезка, она понижается к его концу. Функция ее,

¹² R. Jakobson, Die Betonung und ihre Rolle in der Wort- und Syntagmaphonologie, TCLP, IV, 1931, стр. 182; J. Kraský, Incompatibility of free quantity and free stress, «Travaux linguistiques de Prague», 2, 1966.

«Общее и прикладное языкознание. Указатель литературы, изданной в СССР с 1963 по 1967 г.». Сост. Б. А. Малинская, М. Ц. Шабат.

Отв. ред. Р. Р. Мдивани, А. А. Реформатский. — М., «Наука», 1972. 295 стр.

Современное бурное развитие лингвистики вызвало появление хорошо организованной службы информации: Институт научной информации по общественным наукам АН СССР осуществляет выпуск ежемесячных бюллетеней новых поступлений в библиотеки СССР (как отечественной, так и зарубежной литературы), налаживается выпуск реферативных журналов, отражающих содержание примерно 10% новых работ и, наконец, выходят в свет ретроспективные библиографии по языкознанию¹, к числу которых относятся реферлируемый труд (далее — ОиПЯ). Следует подчеркнуть особую

как нам кажется, — быть показателем оформленности, глобальности отрезка, это — делимитативная функция. Мелодика в нетональных языках есть фактор семантики, связи, смысла, это «фразовый» акустический параметр. И только длительность оказывается функционально свободной и может выполнять функцию передачи словесного ударения (см. данные русского, украинского ударения). Очевидно, что в тех языках, где ударение падает на первый слог, место ударения и вершина интенсивности (самая сильная динамическая точка) совпадают, и длительность оказывается свободной также и от передачи словесного ударения и может выполнять грамматические функции — см. данные чешского и словацкого языков. Понятно также, почему, в свете сказанного, в польском языке, где ударение тоже фиксировано, длительность не несет грамматической нагрузки: здесь место ударения не совпадает с точкой высокой интенсивности. В сербском же языке значительная часть слов имеет ударение именно на первом слоге.

Обе книги, разные по методам и по установкам, демонстрируют тенденцию к сближению традиции эмпирического подхода к фактам словесной просодии и стремления построить систематизированную модель явления. Как представляется, сегодня в этом сближении заинтересованы современная экспериментальная фонетика, с одной стороны, и фонология — с другой.

Т. М. Николаева

ценность изданий последнего вида, поскольку они никогда не устаревают; более того, итоговая значимость их со временем повышается. Эти издания рассчитаны на использование не только языковедами различных специальностей, но и специалистами смежных отраслей знания, а также работниками различных справочно-информационных служб. Нельзя не подчеркнуть и того, что благодаря выходу ОиПЯ как продолжения ОЯ и СиПЯ теория нашего языкознания «забиблиографирована» в целом за полвека, начиная с 1917 г.²

Отбор материала в ОиПЯ, потребовавший большой ответственности и высокой квалификации авторов, произведен чрез-

¹ Ср. «Общее языкознание. Библиографический указатель литературы, изданной в СССР с 1918 по 1962 г.», М., 1965; «Структурное и прикладное языкознание. Библиографический указатель литературы, изданной в СССР с 1918 по 1962 г.», М., 1965 (далее — ОЯ и СиПЯ).

² Сразу выскажем одно из пожеланий на будущее: сбить дату, ограничивающую обзор литературы, со сроком выхода в свет ретроспективной библиографии.